

вает на последовательное движение писателя-учителя в сферу риторического, духовного творчества, которое по своей природе призвано прямо воздействовать на каждого гражданина России, преодолевая автономность и условность поэтического мира.

Поэтому у Гоголя возникает попытка установить прямой контакт с гражданами отечества, учитывая профессиональную и сословную дифференцированность общества. Как отмечает В. Кривонос, "средством единения с читателем оказывается для Гоголя проповедническое слово, обличающее и наставляющее каждого отдельного человека"³⁸. И вот параллельно с работой над II томом "Мертвых душ" создается идеологический "экстракт" поэмы, своеобразный комментарий и ее продолжение - "Выбранные места из переписки с друзьями", построенные по типу древнего учительного сборника. Этот факт ставит перед литературоведами новую проблему - проблему соотношения "Выбранных мест из переписки с друзьями" с I-II томами "Мертвых душ", или иначе говоря, ставит проблему уникальной межтекстовой целостности в творчестве Гоголя³⁹, в которую входит и "Авторская исповедь". Все вместе они образуют как бы единый текст, одну Книгу Творений Гоголя, прообраз которой можно обнаружить в средневековой культуре.

"ВЫБРАННЫЕ МЕСТА" И "АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ" В КОНТЕКСТЕ УЧИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

"Выбранные места" сыграли едва ли не роковую роль в судьбе Гоголя и в восприятии его наследия 40-х гг. Книга вышла в свет в Петербурге 1 января, она символически открывала новый 1847 г. "Самое лучшее, что можно сказать об ней (о книге. - С.Г.) - назвать Гоголя сумасшедшим", - писал спустя несколько недель после ее выхода С. Аксаков, один из самых близких Гоголю людей⁴⁰. Через несколько дней С. Аксаков в письме к сыну Ивану пояс-

нит свое впечатление: "Я вижу в Гоголе добычу сатанинской гордости, а не христианского смирения <...> Я не мог читать без отвращения печатное завещание человека живого и здорового, в каждом слове которого дышит немоверная гордость <...> где эстамп "Преображения Господня" так и ложится рядом с его портретом"⁴¹.

Хор голосов, оживленно обсуждающих "сумасшествие" и "сатанинскую гордость", не перекрыл ни оценки П.Вяземского, писавшего: "Как ни оценивай этой книги, с какой точки зрения ни смотри на нее, а все придешь к тому заключению, что книга в высшей степени замечательная. Она событие литературное и психологическое"⁴²; ни оценки П.Плетнева, назвавшего гоголевскую книгу началом собственно русской литературы. Знаменитое письмо Белинского своим пафосом неприятия и разоблачения на долгие годы определило читательское и исследовательское отношение и к книге Гоголя и к его духовно-творческой деятельности 40-х гг. И лишь в последнее десятилетие в общественном сознании и официальном литературоведении произошла, можно сказать, реабилитация "Выбранных мест" благодаря работам Е.Анненковой, Ю.Барабаша, В.Воропаева, И.Золотусского. Это, однако, не означает, что проблема восприятия книги Гоголя отпала сама собой, что доступность исследований К.Мочульского, В.Зеньковского, статей, написанных в начале XX века, все открывает и объясняет. Это - возвращенное начало, без которого не может быть продолжения.

Неоднозначность восприятия книги Гоголя связана прежде всего с необычностью культурного феномена, рожденного эпохой романтизма, - произведение писателя предстает как религиозно-духовное явление. Автор книги - мирской светский человек, не облаченный ни духовным званием, ни монашеским саном, выступает в функции церковного пастыря, что не могло не вызвать если не раздражения, то смущения и недоверия. История русской культуры, причем ближайшая (конец XVIII - первая треть

XIX века), подобного смешения функций знала. Это мощная традиция внецерковной религиозности, которая искала "истинного христианства" и проявилась, в частности, и в деятельности Сковороды, и в масонском движении, которая привела к идеям "внутренней церкви", к критике официальной церковности. Первоначально масонская деятельность носила камерный характер, никто из членов этого движения не обращался непосредственно от своего лица ко всей России и ее гражданам. Даже в известных трактатах Трубецкого и Лопухина отсутствует личностно-биографическое начало, нет историко-культурной конкретности адресата и соответственно отсутствует образ современной России, редуцирован прямой проповеднический пафос⁴³. С деятельностью Русского Библейского Общества, в которое входили прежде всего люди светские, религиозное движение приобрело иной масштаб и направленность, оно стало замещать функции Церкви. Реформаторские стремления, поддерживаемые на первых порах самим Александром I, в конечном итоге закончились запретом Общества в 1826 г. Несколько ранее (1822 г.) были запрещены масонские ложи. Но взаимное тяготение светской и духовной культуры, стремящееся преодолеть разделяющую их границу, выявилось в полной мере. Их активное взаимодействие стало пронизывать все сферы духовной деятельности - научной, философской, эстетической и собственно литературной. Александровская эпоха - это эпоха духовного наставничества, эпоха пророков и провидцев. Но ни один из мирских субъектов этой деятельности не оказывался в центре такого внимания, как Гоголь, который с необыкновенной полнотой и последовательностью подчинил творчество и судьбу свою духовному служению. Не связанный формально ни с одной структурой, ни с одним движением, он выступил как частное лицо, поставив себя в позицию "пастыря", распространив свою духовно-учительную роль за пределы узкого круга друзей и знакомых. Бремя христианского

учительства, которое принял на себя мирской человек, писатель Николай Гоголь, имело свою специфику, отличающую человеческую и творческую его судьбу от духовной деятельности его современников (например, П.Чаадаева).

Иначе говоря, восприятие Гоголя и его книги во многом определялось историко-культурным представлением о священстве. Следует сказать, что история христианства уже на ранней стадии формулирует две противоположные точки зрения. Тертуллиан, например, утверждает всеобщее право на поучение: "Разве мы не все священники? Господь Иисус Христос сделал всех нас священниками Отца Небесного. Власть церкви постановила границы между священниками и мирянами. Но существенная обязанность служения Богу принадлежит неотъемлемо каждому. Разве мы неносим и без священников жертву Ему в молитвах <...> и даже в поучениях других? Ты священник для себя и для некоторых, хотя и не для всех. Где собрались трое верующих, хотя и мирян, там и церковь"⁴⁴. Эту точку зрения разделяет и Иоанн Златоуст - один из авторитетнейших для Гоголя деятелей христианства. Эта идея затем активно развивается и обосновывается в протестантском учении, которое оказало на Гоголя влияние (о чем свидетельствует он сам). Противоположная точка зрения связывает учительство только с Церковью⁴⁵. К тому же к "священству" предъявляются строгие требования. Григорий Богослов в "Слове о том, как важен сан священства" даже о посвященных говорит: "... если бы кто из нас сохранил себя, даже сколько можно более чистым от всякого греха, то не знаю еще, достаточно ли и сего готовящемуся учить других добродетели", а "что же касается до самого раздаяния слова <...>, то ежели кто другой приступит к делу сему с дерзновением и почитает оное доступным для всякого ума, я дивлюсь многоумию (чтобы не сказать: малоумию!) такого человека"⁴⁶.

Гоголь в этом вопросе самоопределяется с позиций Тертуллиана и Златоуста, вдохновляясь и более поздними протестантскими идеями деятельного христианства. Он обосновывает идею учительства в "Выбранных местах" не только общим христианским ее пониманием, но и особым положением писателя в русской истории, своеобразием самой русской литературы от древности до современности, ее изначальным библейским пафосом. Этот уровень обоснования подкрепляется, может быть, самым весомым аргументом - собственной, человеческой и писательской, судьбой, наполненной мистическим смыслом, а потому дающей право на "слово", вложенное в уста свыше. Не умаляя роль и значение церкви и ее пастырей ("Несколько слов о нашей церкви", "О том же"), он, тем не менее, придает огромное значение в нравственном преобразовании общества лицам гражданским ("Русский помещик", "Что такое губернаторша", "Занимающему важное место"), "начальникам" различных социальных уровней, образующих гражданскую иерархию, увенчанную монархом. Именно по этой лестнице возносится религиозное чувство любви к Богу и нисходит обратно к человеку. "Религиозная концепция власти приводит Гоголя к основной и завершающей идеи его книги: к построению единой христианской культуры, к религиозному обоснованию государства и хозяйства, к полному оцерковлению мира", - писал К.Мочульский⁴⁷. Вероятно, далеко не всеми читателями разделялась идея "оцерковления мира". Слова Гоголя "*Монастырь ваш - Россия*" (а следовательно, мирянин - монах) - не только метафора, но и заключают действительное стремление писателя сблизить идеалы и нормы иноческой жизни с повседневной и мирской. В них узнаются требования Иоанна Златоуста: "и мирянину и монаху должно достигать одинаковой высоты"⁴⁸. Вероятно, что категоричность и строгость, исходящие от мирского лица, вызывали не только восторг. Кроме того, идеологический эклектизм книги, вбирающей в себя под-

час полярные религиозные импульсы (мистическую этику с ее сосредоточенностью на вопросах самопознания и самоусовершенствования, требующую углубленности в себя и тем самым отрешенности от мира и идеи социального христианства, и др.), оттенялся ее личностным пафосом, обнажающим не умиротворенное сознание, обретшее истину, а драматически-напряженную до экзальтации и мистического гиперболизма душу писателя. Как отмечает Е.Анненкова, "Гоголь не мог спрятать "резкую исключительность" своей личности. Потому, кстати, далеко не все современники разглядели жизнеутверждающий характер его христианства"⁴⁹. Преобладание в структуре книги проповеди над исповедью, стремление соединить традиционное и нетрадиционное в такой ситуации обнажало противоречивость учительного пафоса. Все это в совокупности чрезвычайно осложняло восприятие и книги и личности Гоголя.

"Выбранные места" представляют собой образец духовной прозы писателя, тесно и прямо связанной с многочисленными учительными традициями древнего и нового времени. Появлению книги предшествует развитие религиозно-духовного слова Гоголя, исподволь накапливающего свой потенциал в художественной прозе, эпистолярной сфере, а затем в конспектировании и выписках из трудов святых отцов и учителей церкви, русских духовных писателей. Немаловажным обстоятельством ее появления стала сама духовная атмосфера русской жизни начала 40-х гг., пронизанная напряженным осмыслением религиозных вопросов. Большое значение для работы над книгой имели беседы и переписка Гоголя с художником А. Ивановым, который стремился живописью "формулировать... воззрение" (А.Иванов), так как искусство, по его мнению, должно удовлетворять "потребности людей" и "стремиться преобразовывать жизнь". Мировоззрение Иванова формировалось под влиянием философских интересов любомудров (влияние Рожалина), в конце 30-х - начале 40-х гг. -

идей религиозного преображения жизни Гоголя, затем мистически настроенного славянофила Чижова, в конце 40-х и в 50-е гг. - Герцена, Чернышевского и особенно - книги Штраусса "Жизнь Христа". Иванов пытался воплотить в живописи идеи современной философии, теологии и социального утопизма. Одновременно с работой над картинами он разрабатывал мессианскую концепцию преображения мира и осуществления "Золотого века всего человечества" деятельностью сообщества русских художников и Мессии в образе русского царя. В своих письменных текстах ("Мысли, приходящие при чтении Библии", 1846-1847 гг.) Иванов отчетливо воспроизвел наиболее значимые традиционные и новейшие утопические аспекты русской культуры, ее мессианско-эсхатологические и сакрализующие тенденции, и в этом отношении был близок Гоголю.

В концепции Иванова сакрализации подвергаются три сферы: народ, царская власть и русские художники - пророки, жрецы, избранники, "указанные в Евангелии". Русский народ, по мнению Иванова, - "последний народ", а Россия - "результат всех народов, о сю пору существовавших. Что от нее должно ждать законов все человечество, в следствие коих начнется повсеместное царство Небесное на нашей планете земле"⁵⁰. "Всякой мудрой и образованной руской есть сын Человеческой"⁵¹, и "у нас должно ждать людей Христоподобных"⁵². Русский царь неограниченной властью близок Божественной, "Царь над славянскими племенами... совершенно будет равен Христу в высокой правильности в вере в Бога"⁵³, пройдя горькие искушения, страдания, "ниспровержение своим народом", он утвердит Царствие Небесное, выступая вторым Спасителем рода человеческого.

Восприятие личности Иванова, его творчества и особенно процесса работы над картиной "Явление Христа народу" эмблематизировали в 40-е гг. переходное время, канун грандиозных событий, начало преображения. Ана-

логии с Гоголем здесь очень близкие, два художника двигались параллельно друг другу, выражая тенденции русской культуры обрести средоточие, объединяющее всех и все в единстве религиозного мироощущения.

И если Иванов возлагал надежды на свою картину, призванную, по его мнению, произвести потрясение и стать важнейшей частью преображения, то Гоголь видел эту силу в слове, особо организованном и оформленном. Выбор жанра имел принципиальное значение, образцом стали древние учительные сборники поучений и нравственных бесед, к которым восходит жанровая доминанта "Выбранных мест". Учительные сборники, составленные из извлечений трудов отцов и учителей церкви, давно известны древнерусской культуре. Наиболее популярные из них - "Златоуст" (в него входили извлечения не только из сочинений Иоанна Златоуста, но и других авторов), "Златоструй", "Измарагд" и др.⁵⁴ Каждый сборник имел свое жанровое лицо, которое определялось не только составом "слов" и авторов, но и общими принципами расположения материала. Задача сборников заключалась в том, чтобы, охватывая различные аспекты христианского вероучения и морали, донести до массового читателя не только их смысл, но прежде всего дать практическое руководство к "внешней" и "внутренней" жизни. Составители этих сборников, как правило, неизвестны, и их личность не входит на правах авторского образа в структуру сборника. Помимо таких сборников стали издаваться сборники сочинений, книги бесед и собрания "творений" одного автора (особенно много в конце XVIII века). Принципы расположения материала здесь уже иные - они не всегда выдерживаются по тематическому или хронологическому принципу и чаще всего определяются внешними обстоятельствами (доступностью материала, актуальностью автора и темы). Особое место занимают сборники духовной прозы русских церковных писателей и духовных лиц. Начиная со второй половины XVII века (Симеон Полоцкий,

Стефан Яворский, Лазарь Баанович и др.) традиция подобных сборников широко представлена в русской культуре. Она влияет на развитие риторических жанров, как религиозных, так и светских⁵⁵, проникает в сферу сатирической журналистики XVIII века и, более того, оказывает влияние на прозу художественную. Иначе говоря, жанр учительного сборника не отмирает вместе с древней эпохой, а активно функционирует на границе духовной и светской культуры, помогая Гоголю оформить свое слово.

Если состав статей книги Гоголя, их жанровая оформленность, содержание, принципы построения и общая композиция отсылают читателя к различным типам учительного сборника, то название - "Выбранные места из переписки с друзьями" - несколько конкретизирует жанровые прототипы. "Выбранные места" отсылают к сборникам извлечений из сочинений одного автора (ср. сборник XVIII века "Выбранные места из Иустина"), а "переписка" указывает на эпистолярную природу жанра и восходит к традиции "посланий" - пастырских и апостольских. Несомненно прав В.Воропаев, отметивший, что "как проповедь книга Гоголя ориентирована прежде всего на апостольские послания, и в первую очередь на любимого им апостола Павла, который "всех наставляет и выводит на прямую дорогу"⁵⁶.

Наибольший интерес среди учительных сборников представляют те, которые были написаны либо составлены одним автором: "Лествица" Иоанна Лествичника, "Педагог" Климента Александрийского - "первый христианский "домострой"⁵⁷, "Домострой" Сильвестра, "О подражании Христу" Фомы Кемпийского. Эти сборники имеют непосредственное отношение к пониманию жанровой структуры "Выбранных мест", к организации различных ее уровней. Жанрово-стилевая организация статей книги Гоголя и их темы соотносятся с проповедническими жанрами (поучением, проповедью, "словом", "беседою",

"посланием", "духовным завещанием") и широким кругом конкретных проповеднических текстов.

Жанровое своеобразие и оригинальность гоголевской книги определяются тем, что в ней существуют неразрывно два уровня - объективное повествование о "мире", наставление в должном и личностное начало, в котором объединяются эмоционально-субъективное, религиозно-мистическое слово о своей "истории души" ("верное зеркало человека" - VIII, 433) и документальные факты писательской биографии. Личное, автобиографическое начало является ведущим, структурно организовано и поэтому предстает эстетическим феноменом, отвечая всем условиям его возникновения. Для этого, в частности, необходимо, "чтобы творчество в сфере личной жизни приобрело оттенок специфического дела и я, т.е. особого как бы приуотовления личности к некоторым высшим целям и переживаниям, чтобы можно было говорить о таком творчестве как религиозном"⁵⁸. Поэтому важно подчеркнуть структурообразующее начало "Предисловия" книги и "Завещания", которыми она открывается, а также "Напутствия", которое предзаканчивает ее (гл. XXX). Это не что иное, как трансформированное "духовное завещание", которое мотивирует исповедально-автобиографическое начало книги⁵⁹.

В книге Гоголя возникает особый образ автора, в нем сходится конкретно-индивидуальное с авторской топикой религиозно-учительной культуры, ее универсальными стилистическими и сюжетными моделями. В динамике статей раскрывается "лирический" сюжет автора, история его внутренней жизни как путь к Христу по "ступеням" духовной лестницы. Это движение разворачивается в двух основных образах: автор предстает как "ученик" и как "учитель". Позиция "ученика" обрастает стилевой и смысловой топикой средневеково-барочного духовного ученичества, духовного странничества, духовного восхождения.. Эту линию "авторского" сюжета можно соотнести с

"Лествицей" Иоанна Лествичника, состоящей из тридцати "слов", предисловия и краткого увещевания и соответственно - из тридцати ступеней, возводящих на вершину христианских добродетелей, и книгой Фомы Кемпийского "О подражании Христу"⁶⁰. Книги этих авторов Гоголь читал внимательно, отсюда не только внешнее сходство структуры (32 главы + предисловие), но и многочисленные пересечения в темах и мотивах, ключевых понятиях, композиционное и смысловое совпадение глав. Так, например, книгу Гоголя завершает "Светлое воскресение", пафос которой - в утверждении идеи христианской любви; книгу Иоанна Лествичника - "Слово 30. О союзе трех преимущественнейших добродетелей": любви, надежды, веры. У Иоанна Лествичника сказано о любви: "Кто любит Господа, тот прежде **возлюбил брата своего**, потому что второе служит доказательством первого" (30:25), поэтому "кто говорит, что любит Господа, а гневается на брата своего, тот подобен человеку, которому снится, что он бежит" (30:27). Толкование Лествичника (восходящее к: Иоанн, 4:20) у Гоголя спроектировано на современное состояние XIX века: "...видишь, как бледны все его (человека. - С.Г.) христианские стремления и как все они в одних только мечтах и мыслях, а не в деле. И если, в самом деле, придется ему обнять в этот день (в Светлое Воскресение. - С.Г.) **своего брата, как брата - он его не обнимет.** Все человечество он готов обнять как брата, а брата не обнимет <...> Вот какого рода объятье всему человечеству дает человек нынешнего века, и часто именно тот самый, который думает о себе, что он истинный человеколюбец и совершенный христианин!" (VIII, 411- 412).

Любовь, надежда и вера - мотивы ключевые для книги Гоголя, в последней главе они звучат, по удачному сравнению В.Воропаева, "пасхальным благовестом"⁶¹. Появляется у Гоголя и образ "лестницы": "Бог весть, может быть за одно это желанье (желанье братской любви. - С.Г.) уже готова сброситься с небес нам лестница и протянуться ру-

ка, помогающая взлететь по ней" (VIII, 416). Не разворачивая всю систему многочисленных параллелей, подчеркну главное - "Лестница" Иоанна, которая "научает <...> духовному сочетанию добродетелей" (30:37), определяет духовный авторский сюжет, служит его универсальной моделью, так же, как книга Фомы Кемпийского раскрывает духовный смысл темы движения в книге Гоголя и ее конкретные мотивы. Кроме того, эти книги обнажают аскетический план идей Гоголя и комментируют авторскую технику самопознания, мир его душевных напряжений. Следует подчеркнуть, что конкретизация интертекстуальных связей обнаружит большое количество соотносимых текстов. "Выбранные места" представляют своеобразную антологию учительной культуры, ее традиционных тем, мотивов, стилистических формул, ключевых метафор. Буквально к каждой теме, ключевому мотиву, многим метафорам и стилистическим приемам и формулам Гоголя можно привести большое количество параллелей. Однако этому должна быть посвящена отдельная работа, первым этапом которой может стать сопоставление "Выбранных мест" со сборником выписок Гоголя 1843-1844 гг.⁶²

Авторский образ "учителя" связан с духовным наставничеством и соответственно - с образом "ученика". С позицией "ученика" соотносятся мотивы "грешника", что рождает исповедально-покаянное начало. Позиция "учителя" - начало проповедническое, оно порождает формы поучения и пророчеств. Таким образом, исповедь и проповедь становятся двумя полюсами авторской позиции, жанровая топика которых придает авторскому самооформлению литературный характер. Напряженные переходы от исповеди к проповеди, от покаянного сокрушения и смиренния к мистической авторитарности и обратно определяют структурно-стилевую организацию "Выбранных мест", логику ее внутреннего сюжета. Гоголь выстроил свою книгу, на что обращал внимание Виельгорской. Письма располагаются не в строгом хронологическом по-

рядке, они организованы, как уже сказано, по внутреннему принципу. Тем не менее Гоголь многие из них продаивал. С одной стороны, датировка писем документирует материал, привязывая его к конкретному периоду жизни писателя, с другой - обнажает продуманность композиции. Соединение документально-биографического и конструктивно-литературного создает необычную структуру авторского образа и авторского сюжета, своеобразного "лирического" автожития Гоголя, который проецирует свою судьбу на апостольский и шире - библейский фон, одновременно придавая изображению современного состояния России прообразовательный смысл. В этом - одно из существенных различий с авторскими сборниками Иоанна Лествичника и Фомы Кемпийского, которым незнакома подобная сложность и многозначность. Кроме того, сюжет раскрывает драматический путь к Христу как путь "незримых ступеней" самопознания и самосовершенствования, на котором духовные победы связаны с поражениями, вера с сомнениями, смирение с гордостью, просветление с унынием. Это путь вечного ученичества и странничества, бесконечная "брань" с самим собой, индивидуально-неповторимое духовное скитальчество, которое при всей ориентации на канон оказывается неразрешимым и неслияенным с ним.

Поэтому исповедально-проповедническая топика книги Гоголя, соединенная с конкретикой писательского пути, с необыкновенной обнаженностью авторской субъектности, выводит нас уже не к жанру сборника, а к исповедально-автобиографической традиции, к таким произведениям, например, как "Исповедь" Августина Блаженного, автожитие Аввакума, автобиографические произведения Григория Богослова (издавались в Москве в 1844-1851 гг.). Наиболее ощутимо исповедально-автобиографическая традиция воплотилась в "Авторской исповеди", но и в "Выбранных местах" ее роль велика. Поразительные по своей близости параллели возникают между

исповедально-автобиографическим началом "Выбранных мест", "Авторской исповедью" и исповедально-автобиографическим началом творений Григория Богослова, прославленного не только своей учительной деятельностью, но и мастерством художника слова, который защищал "словесные науки", причисляя себя к "любителям словесности" ("Ибо все прочее оставил я другим <...> оставил богатство, знатность породы, славу, власть <...> Одно только удерживаю за собою, - искусство слова <...> О когда бы я и всякий <...> могли владеть силою слова! Вот первое, что возлюбил я, и люблю после первейшего, то есть, Божественного"⁶³). Исповедально-автобиографическое начало пронизывает почти все сочинения Григория Богослова, а не только собственно автобиографические ("Стихи о самом себе", "Плач о страданиях души своей", "Жалобы на свои страдания" и др. - IV, 278-327). Пунктирно включая исповедально-автобиографические мотивы, он выстраивает сюжет "одинокого странника" (IV, 326), скрепляя разные "Слова" единым метасюжетом. Исповедально-автобиографические произведения закрепляют этот сюжет, создавая драматический автообраз мятущегося грешника и ищущего праведника, "в котором смертный сопряжен с небесным" (IV, 351). Его окружают непонимание, несправедливые обвинения и зависть (часто причиной было слово, "неукротимый и добродетельный язык"), человеческая слепота и т.п. Откровенность и обнаженность исповеди Григория Богослова сродни гоголевским, они явно не укладываются в традиционную формулу самоумаления, придавая свидетельствам индивидуальную неповторимость и в то же время сходство. "Собственными своими страсти свидетельствую я о человеческой расплетенности", поэтому "откровенно поведаю всем мое бедствие, чтобы другие могли спастись от ухищрений <...> звесьря" (IV, 296, 282), - пишет Григорий Богослов, чередуя исповедальность с проповедничеством. Сопоставим не

только авторский образ двух писателей, но и целый ряд тем и метафорических мотивов.

Гоголевский "сюжет" ученичества, странничества и спасения, познания истины перерастает в сюжет учительства и поприща. Моральная философия поприща, долга, служения является связующим звеном между исповедью и проповедью, между "лирическим" сюжетом автора и миром, к которому обращено его слово. Автор, обращаясь к каждому сословию, совпадает в развитии своих ключевых идей с моральной философией Сковороды. Каждому человеку определена свыше должность на земле, "*все места святы*" (VIII, 292), и этим определяется ответственность человека не только перед людьми, но и перед самим Богом. Связь с учением Сковороды придает моральной философии Гоголя реальность и историческую конкретность религиозной утопии. Она объединяет дидактику, связанную с освещением бытовой (частной) и общественной жизни, и определяет сюжет "мира" России. Как соединить "общую" (служение Богу) и "частную" (социальную, "домашнюю") должность - центральный вопрос спасения человека и России. Каждая должность (секретарь, помешник и т.п.), каждая сфера жизни (театр, литература и т.п.) может стать "*незримой ступенью к христианству*", если она "*обращена к своему высшему назначению*". "*Причина всех зол*" (VIII, 225) в том, что "*всяк <...> старался или расширить пределы своей должности, или даже вовсе выступить из ее пределов*" (VIII, 271). "*Всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом*" (VIII, 322), "*Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит*" (VIII, 225), "*прежде <...> я предпочитал одно звание другому, теперь же вижу, что участь всех равно завидна*" (VIII, 366). С идеей должности Гоголь сопрягает идею самопознания, которая включает специфический мотив "эгоизма" у Сковороды: "*Ни в коем случае не своди глаз с самого себя. Имей всегда в предмете себя прежде всех. Будь эгоист в этом случае! Эгоизм - тоже не дурное свойство;*

вольно было людям дать ему такое скверное толкование, а в основанье эгоизма легла сущая правда" (VIII, 282) (ср. с трактатом Сквороды "Наркисс", впервые опубликованным в конце XVIII века). Этот уровень слова Гоголя может быть соотнесен с наставлениями о том, каков должен быть истинный христианин (см. "Педагог" Климента Александрийского, "Домострой" Сильвестра), а также с наставлениями учительных сборников типа "Златоуста", который направлен на практическую сторону жизни и включает набор традиционных проповеднических тем. Гоголь отталкивается от этой традиционности и в одних случаях следует ей буквально, разворачивая и конкретизируя топику современными примерами⁶⁴, в других - вступает с ней в полемику (ср. его трактовку театра, соотнесенную с высказываниями о театре Иоанна Златоуста в "Беседах к антиохийскому народу"), корректируя высказывания прошлого современными обстоятельствами и возможностями. Авторское слово на уровне проповеди, получения, наставления подвижно: оно предстает то словом пастыря, то словом апостола и пророка. Проповедническая топика отражается здесь в жанрово-стилевом и тематическом сходстве. Поэтому многие проповеднические темы Гоголя соотносятся не только с "Домостроем" или с каким-либо другим сборником, но и с широким кругом иных текстов (Иоанн Златоуст, Василий Великий, Ефрем Сирин, Тихон Задонский и др.).

В структуре гоголевской книги важное место занимают статьи, посвященные литературе, живописи, театру. Они не выпадают из обозначенной структуры и соотносятся по проблематике с традициями учительной культуры. Эти статьи подчинены одной сквозной идеи и в такой же мере, как явно учительные статьи, раскрывают религиозное сознание Гоголя. Искусство становится посредником и примирителем между человеком, земной жизнью и Богом. Искусство обладает, по Гоголю, миротворческими возможностями, т.е. теми свойствами, которые ценятся

христианством превыше всего. Для Гоголя вся история русской литературы связана с религиозным миросозерцанием, воплощает идею Бога и "незримыми ступенями" движется к Христу. В этом заключается ее национальная специфика. В пафосе, в стиле, в образах - всюду присутствует библейское начало, просветляющее и высветляющее душу человека, напоминая ему о том, кому он должен служить. Синтез мирской культуры и религии должен, по мысли Гоголя, образовать особое духовное искусство, словом преображающее жизнь. Поэтому неслучайно завершающей главе книги "Светлое Воскресенье" прямо предшествует глава "В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность". Тема "слова" для Гоголя становится в "Выбранных местах" вполне самостоятельным "героем", она преломляется в самых различных аспектах - и как предмет специального обсуждения, и как средство изображения и воздействия; слово имеет магические возможности в силу своей мистической природы, так как "*оно есть высший подарок Бога человеку*" (VIII, 231). Вбирая образность учительного слова, его метафорические возможности и символический потенциал, слово Гоголя удваивает конкретные реалии, документальную и современно-историческую эмпирию, как бы просвечивая ее вечным светом библейского мира. Сам же автор в контексте всей книги окрашивается библейскими ассоциациями с древними пророками и апостолами, с Моисеем, вывождящим Россию из Египетской тьмы, с Христом (ср. одно из ранних уподоблений себя Христу: "*Никто из моих друзей не может умереть, потому что он вечно живет со мною*"), несущим миру свет и жизнь.

* * *

"Авторская исповедь" была написана в 1847 г., после появления в печати "Выбранных мест", восприятие которых и послужило причиной ее создания. На первый

взгляд ситуация была далекой от тех условий, которые требуют или вынуждают к публичному исповеданию. Но если учесть религиозно-жизнетворческий характер "Выбранных мест", то станет ясно, что обвинение в гордыне явилось частью более общей проблемы, связанной с правом Гоголя, *"писателя, пока еще не монаха"*, на проповедь религиозную. И хотя он в "Выбранных местах" многосторонне обосновал это право, возникла необходимость еще одного обоснования и разъяснения. "Авторская исповедь" явилась своеобразным вариантом и "внутренним зеркалом" "Выбранных мест".

"Авторская исповедь" - определение, как известно, не гоголевское. Рукопись озаглавил С.Шевырев, редактируя "Сочинения Н.В.Гоголя, найденные после его смерти" (М., 1855). Авторские же определения жанра этого сочинения рассеяны по тексту: *"повесть моего авторства"*, *"чистосердечная повесть"*, в письме к П.Плетневу от 10 июня 1847 г. он определяет свою *"книжечку"* как *"повесть моего писательства"*. Обычно это сочинение привлекается для комментирования биографии Гоголя и некоторых публицистических идей "Выбранных мест". Как предмет самостоятельного исследования "Авторская исповедь" перед литературоведами фактически еще не представляла. Между тем, как справедливо замечает П.Михед, это произведение **литературное** и как таковое нуждается в соответствующем исследовании⁶⁵. Действительно, литературная сторона этого сочинения Гоголя не только не изучалась, но и не учитывалась вообще. А именно с этой точки зрения раскрываются важные черты позднего творчества и личности писателя 40-х гг. Обозначим возможное направление исследования и круг произведений, которые могут входить в контекст сопоставления, проясняющий природу гоголевского текста.

Сразу же отметим, что и определения Гоголя и определение С.Шевырева не исключают, а взаимодополняют друг друга. В одном случае акцент сделан на *"исповедь"*, но

специфическую - авторскую, писательскую, в другом - на писательскую "историю" ("Но возвращаюсь к истории..." - VIII, 445), "повесть", но "чистосердечную", т.е. потенциально исповедальную. Так обозначилась двоякая ориентация жанра - на исповедальную традицию (например, на писательские исповеди) и на писательские "истории", т.е. творческие автобиографии. Феномен сочинения Гоголя рельефнее обозначается на фоне автобиографической традиции, которая в русской культуре активно развивается с XVIII века, историоризируя личность и ее самосознание. Эта традиция тесно связана с жанрами мемуаров, воспоминаний и дневников, в которые с конца XVIII века проникают элементы духовной биографии с сопутствующей исповедальностью. Предромантизм и романтизм канонизируют исповедальные формы, выводя их за пределы бытовой культуры, культивируя различные типы исповедально-биографического повествования. Литература и быт в совокупности составляют парадигму автобиографизма, явление которого обостряется в переходные эпохи. Тенденцию к перестройке отношений внутри парадигмы, приводящей к размыванию границ между литературой и бытом, мирским и сакральным пространством, в полной мере выразил Гоголь. Он свел воедино сразу несколько уровней автобиографизма, расположенных в диахронии культуры, придав ему жизнестроительный смысл. Поэтому правомерно говорить о том, что в "Авторской исповеди" сходится духовно-эстетический опыт различных культурных эпох - от античного автобиографизма, рожденного на почве судебного красноречия, служащего самооправданию на суде, до автобиографизма Нового времени.

Ведущей оказывается традиция, восходящая к исповедально-автобиографической прозе религиозных писателей, таких, как "Исповедь" Августина Блаженного⁶⁶ (первый перевод вышел в России в 1733 г.), автобиографические произведения Григория Богослова. Особое место в этом ряду занимает житие протопопа Аввакума, которое может

быть соотнесено как с "Выбранными местами", так и с "Авторской исповедью". Кроме того, "Авторскую исповедь" можно включить в один ряд с "Исповедью" Руссо и "Чистосердечными признаниями в делах моих и помышлениях" Д.Фонвизина. Этот круг произведений позволит прояснить литературную природу произведения Гоголя. Очевидно, что за пределами сопоставления останутся сатирические "исповеди" Карамзина, Чулкова, романы-исповеди романтизма и др., связанные с беллетристикой и лишенные документально-авторского, творчески-биографического подтекста.

Первое, на что следует обратить внимание, - насколько сочинение Гоголя является "исповедью"? Литературная исповедь христианина своим происхождением связана, с одной стороны, с исповедью действительной⁶⁷, отвечая ее основным требованиям, с другой - с жанром автобиографии, восходящим к античности⁶⁸. Развитие исповедально-го дискурса вырабатывает специфическую топику. Что представляет действительная христианская исповедь? Предполагается, что исповедальная ситуация возникает по свободной воле исповедующегося и в тот момент, когда он осознает свою греховность. В момент осознания в исповедующемся рождается новое "я", отрекающееся от своего прежнего "я". Этим определяется двойная перспектива повествования в письменной исповеди: события жизни прежнего "я" освещаются с позиций нового "я". Переход от старого к новому "я" является кульминационным и трактуется как событие обращения (из язычника в христианина, из грешника в праведника и т.п.). Рассказ о **перходе**, движении в новое состояние и есть главный предмет исповеди. Действительная исповедь требовала от кающегося исполнения трех моментов: *contritio* (сокрушения, заключающего в себе скорбь и сожаление о содеянных грехах, отвращение от них и твердое намерение впредь не грешить), *confessio* (исповедания, состоящего не только из полного исповедания грехов, обстоя-

тельств и причин, но и полного покаяния, т.е. полного самоотрещения исповедующегося от своего прежнего "я") и *satisfactio* (удовлетворения, выражющегося в благодарности Богу и действиях, искупляющих грех). Для действительной исповеди покаяние является главным моментом исповедания. Поэтому в учительной практике и литературе долгое время преобладает определение исповедания грехов как "покаяния". Так называются "слова" многих святоотеческих писателей. Разъяснению смысла и важности покаяния посвящены обширные сочинения Ефрема Сирина.

Отражение требований к действительной исповеди легко обнаруживается, например, в "Исповеди" Августина Блаженного. Литературная исповедь отмечена структурной оформленностью, специфической топикой, тесными связями с красноречием (судебным, совещательным и торжественным) и его риторическими возможностями. Кроме того, она включает развернутый автобиографизм, порождая черты кризисного авторождения. Будучи написанной, она независимо от формального адресата превращается в исповедь публичную, предназначенную для чтения разными людьми, и поэтому осознанно или неосознанно превращается в своеобразное послание к миру, выполняет диактические задачи - провести читателя сложным путем становления или кризисного обращения, от начальной точки движения - эмпирического, греховного "я" - к точке конечной, новому "я", приобщенному высших тайн и истин. Таким образом, исповедь грешника, переходящая в письменное слово, становится обращенной формой проповеди. Противоречие между исповедальным и проповедническим может сниматься только в том случае, если новое "я" обладает цельностью и безусловностью покаяния, а не самодополнения. Оправдание - это право "другого", высшей инстанции. Указанные особенности и метаморфоза перехода исповеди в проповедь объясняют специфические черты гоголевской "исповеди", если ее таковой считать.

Действительно, в гоголевской "книжечке", на первый взгляд, присутствуют все необходимые исповедальные элементы: сокрушение, самоотречение, самоумаление, покаяние и др. Но оказывается, что исповедальная стихия изначально связана с самооправданием и защитой, которые незаметно перерастают в проповедь и поучение. Да и сами мотивы гоголевского высказывания рождаются не в исповедальной ситуации. Обвинения современников внутренне ориентируют гоголевское диалогизованное высказывание, которое риторично по построению, стилю и последовательно опровергает оценки "судивших" четкой системой аргументов. В результате исповедь оборачивается проповедью, покаяние - верностью прежнему "я". Этими переходами и отмечена "Авторская исповедь" со своей псевдоисповедальностью, за которой встает целостная история души, ее строения и самопознания под мистическим знаком предопределенности.

Жанровая структура "Авторской исповеди" цельна, но не односоставна. Позиция христианского ритора выстраивает стройную композицию, в центре которой располагается автобиографическая *"повесть ... авторства"*, обрамленная жанровой топикой древнего красноречия, направленного не только на оправдание и разъяснение, но и на убеждение и обвинение своих оппонентов. Здесь доминируют приемы судебного и совещательного красноречия. Повесть авторства раскрывает духовную биографию как историю *"внутреннего строения"*, как путь к Христу. В отличие от исповедальных биографий в ней нет ярко выраженного кризиса и обращения. Жизнь Гоголя предстает как незримые ступени восхождения, приближающие его к тайне человека, России и Бога, как путь самопознания и мистического откровения, приоткрывающего тайны и смысл творчества. Гоголь устанавливает прямую и обращенную зависимость творчества от "души" и "Христа". Творчество, предметом которого является жизнь, возможно, если познаешь душу человека вообще и душу русского

человека. Этого нельзя познать, если не познаешь собственную душу, а ее можно познать только через "внутреннее строение", через познание и исполнение "закона, данного Христом".

Таким образом, история авторства сливается у Гоголя с историей его души, смысл и обстоятельства которой плотно окрашены мистицизмом, сакрализующим личность автора. Трансцендентный план истории Гоголя становится главным ее смыслом и аргументом. Не прихоть и личная воля, а предопределение и сверхличная логика направляли путь писателя, выстраивая цепь обстоятельств, иррациональная природа которых постепенно открывалась сознанию Гоголя. Поэтому он косвенно переадресовывает упреки и вопросы современников к высшей инстанции. Там, в "*обстоятельствах и этом порядке, не от меня начертанном*", заключены все ответы.

"Зачем <...> были такие обстоятельства <...> которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека? <...> Зачем жажда знать душу человека так томила меня постоянно от дней моей юности? Определите мне прежде, зачем все это произошло, и тогда спрашивайте: зачем я не могу писать того, что писал?"

§ §